

— Просто я не ожидал, что ты действительно осмелишься обнажить меч и убить человека, — спокойно произнёс Фан Минцзюэ. Его лицо, забрызганное кровью, с изящными и утончёнными чертами, казалось, излучало толику устрашающей ауры. — Разве ты не боишься ошибиться и убить невинного?

Сяо Цянь сел на край ложа, размышляя про себя: после стольких лет войн на севере и юге разве осталось деление на хороших и плохих при убийстве? Главное — знать, что все убитые были врагами. Тем более, даже если служанку скрывали распущенные волосы, он её узнал — ещё один лазутчик из Великой Цзинь.

Но на лице его появилось мягкое выражение, и он глубоко посмотрел на Фан Минцзюэ:

— Я заслужил твоё доверие, но и ты должен доверять мне в равной мере. Если ты не подведёшь меня, я не подведу императора.

Заметив разницу в обращении Сяо Цяня, Фан Минцзюэ поднял взгляд.

Его длинные, красивые ресницы всё ещё были усеяны нестёртыми каплями крови, тонкая алая линия подчёркивала разрез глаз, вытягиваясь к вискам резким изгибом. Когда он поднял глаза, его тёмные зрачки, подобные воде, вновь вызвали у Сяо Цяня странное щекотание в сердце. Однако вместе с этим щекотанием возникло и смутное чувство неловкости.

Щекотание придало ему дерзости схватить Фан Минцзюэ за запястье и прижать к ложу, а неловкость заставила бросить взгляд на две белоснежные ноги, выглядывающие из-под халата, после чего он резко откинул одеяние императора.

— Сяо Ци! — Даже не удостоив титула императрицы, Фан Минцзюэ покраснел от ярости.

Впрочем, покраснев, он стал ещё прекраснее.

«Большой негодяй» Сяо Цянь подумал про себя и, увидев, что ниже пояса у Фан Минцзюэ всё в порядке, поспешно опустил одеяние, стараясь успокоить:

— Ваше Величество, простите! Ваш слуга лишь беспокоился о безопасности императора и специально проверил, не пострадал ли князь.

Фан Минцзюэ, готовый вскочить и загрызть Сяо Цяня, замер. Князь? Откуда взялся князь?

Взгляд Сяо Цяня весьма кстати опустился вниз, напомнив Фан Минцзюэ.

Младший брат императора — разве не князь?

— Ты полагаешь, я сошёл с ума и стану доводить притворство до конца? — Фан Минцзюэ был поражён глупостью Сяо Цяня, и гнев его застрял в горле, сделав обычно чистый голос хриплым.

Он сам разорвал рану, до сих пор чувствуя боль, а этот человек продолжает нести вздор.

Сяо Цянь также осознал, что его забота выглядела несколько странно, и невозмутимо отпустил руку.

Однако в момент его неподготовленности и рассеянности маленький император неожиданно метнул в него кулаком. Не будь он закалённым в боях, точно получил бы синяк под глазом, точь-в-точь как у Ян Цзиня. И всё же, тело, не слишком привыкшее к тренировкам,

среагировало с запозданием — кулак лишь просвистел у самого уха.

— Будь умницей, не балуйся, — сжимая запястье Фан Минцзюэ, Сяо Цянь улыбнулся крайне бесстыдной улыбкой. — Ты так не хочешь отпустить свою служанку, что нуждаешься в помощи, чтобы надеть штаны?

Как говорится, на каждую мудрость найдётся своя хитрость. Маленький император капитулировал, подняв белый флаг.

Когда всё было приведено в порядок, они уселись друг напротив друга за столом.

За окном луна уже поднялась в зенит, приближалась третья стража. Серебристый свет звёзд и луны лился за окно, тени хайтеры* неспешно колыхались. Линь Лин налила горячий чай, зажгла последний дворцовый фонарь и бесшумно удалилась.

* Примечание: хайтера — декоративное растение, возможно, речь о цветущем кустарнике.

— Воспользуйся этой возможностью, чтобы полностью заменить всех служанок во дворце, — тихо заговорил Фан Минцзюэ, его неторопливый голос был подобен лёгкому ветерку. — Призови новых из Управления внутренних дворцовых дел. Зал Сунъян и Дворец Фэнъи должны быть абсолютно непроницаемы, в остальных местах можно слегка ослабить контроль.

Слишком чистая вода не имеет рыбы. Эту истину Сяо Цянь понимал. Просто он не ожидал, что маленький император пойдёт на такие сложности, даже принеся в жертву их репутацию, ради, казалось бы, пустякового дела. Он никак не мог этого взять в толк.

Казалось, угадав мысли Сяо Цяня, Фан Минцзюэ покачал головой:

— Подожди реакции при дворе, тогда поймёшь.

Всё ещё скрывает концы в воду. У Сяо Цяня занули зубы. Этот ребёнок моложе его на семь-восемь лет, а интриги плетёт одна за другой.

— Но ты хотя бы дай мне какую-нибудь зацепку, а то когда всё случится, я буду как дурак, даже не успею среагировать, и всё пойдёт насмарку? — Без намёка на изящество Сяо Цянь отхлебнул чаю и постучал по столу.

Фан Минцзюэ снова покачал головой:

— Знание не принесёт тебе пользы. Что бы ни произошло, тебе нужно лишь реагировать естественно.

— Естественно? — Сяо Цянь приподнял бровь.

Фан Минцзюэ поднял чайную пиалу и слегка кивнул.

Однако кивок его не успел завершиться, как рука дрогнула, и он едва не выплеснул всю пиалу чаю на голову Сяо Цяня.

Погладив бедро маленького императора поверх штанов, дабы утолить своё желание, большой негодяй Сяо Цянь выскочил из зала прежде, чем Фан Минцзюэ успел взорваться, не забыв при этом праведно воскликнуть:

— Вы же сами сказали, Ваше Величество, — естественная реакция! Слово императора — закон,

нельзя нарушать данное слово, ха-ха-ха...

Фан Минцзюэ сидел в ярко освещённом зале, его уши горели, но гневное выражение на лице постепенно исчезало.

Он спокойно отхлебнул чаю.

В чайном доме раздался стук деревянного молотка, и весь зал затих.

Сказочник, одетый как учёный, отряхнул рукава и раскрыл складной веер.

— Вчера мы остановились на том, что нынешний император, опьянев в боковом павильоне, удостоил вниманием безымянную служанку, и это увидела императрица Сяо. Сегодня же мы поведаем о том, как эта грозная императрица Сяо устроила скандал во дворце! Узрев перед собою сию непристойную картину, императрица Сяо воспылала ревностью, гнев поднялся в её сердце, злоба пробудилась в душе, она схватила трёхфутовый синий клинок — и кровь брызнула на три чи!

Нравы в Наньюэ были вольные, дворцовые тайны не удавалось удержать и одну ночь, прежде чем простолюдины на улицах вынюхивали все подробности, не говоря уже о такой необычной истории, полной легендарности и даже не пытавшейся особо скрываться.

Всего за несколько дней книготорговцы допечатывали тиражи, чайные дома были полны, а сказочников пришлось сменить несколько раз.

Прежде этот мужчина-императрица в головах простого народа был всего лишь смутным понятием: мужчина, императрица — и всё. Ну, возможно, ещё история, которую нельзя было не рассказать, с генералом Ян. Но благодаря этому рассказу образ Сяо Цяня обрёл полноту.

— Говоря об этой императрице Сяо, с детства он не был подобен простым смертным. Ещё не достигнув пятнадцати лет, он был ростом в девять чи, с талией, словно огромный котёл, одной рукой мог поднять камень в восемьсот цзиней, одной ногой мог пнуть тигра в восемьсот цзиней...

Сказочник говорил страстно и воодушевлённо, только неизвестно, не отправил бы его Сяо Цянь, способный одной рукой поднять восемьсот цзиней, на корм тигру, которого он пнул одной ногой.

Ян Цзинь сидел на втором этаже, его рука по-прежнему была на перевязи, но лицо из сочетания медвежьей слепоты и свиной головы превратилось в элегантный и учтивый человеческий облик.

Слушая голос сказочника внизу, Ян Цзинь нахмурился, чувствуя, будто у него полно хлопот.

Происшествие в боковом павильоне, казалось, задело Сяо Цяня за живое. На следующий день, ещё до рассвета, ворота Управления внутренних дворцовых дел были выбиты. Этот мужчина-императрица лично руководил операцией, не слушая никаких возражений — «не слышу, не слышу, просто не слышу» — действуя крайне жёстко и устроив полную замену всех служанок во дворце.

Управление внутренних дворцовых дел со времён основания династии ещё не сталкивалось с таким объёмом работы, и вскоре запасы служанок оказались недостаточны.

Едва-едва распределив их по всем дворцовым покоем и садам, в каждом месте остались лишь разрозненные единицы. Все соглядатаи томились в одиночестве в пустых дворах, каждый день сметая опавшие листья, и у них не было ни настроения, ни времени на сбор сведений.

Тем более что в Зал Сунъян изначально не было направлено много людей.

То, что Сяо Цянь убил служанку, осталось без внимания, но эта полная замена мгновенно затронула множество сил.

Во дворце всё было перемешано, почти не было безупречно чистых слуг, за каждым стояла тень. На этот раз атака Сяо Цяня без разбора, не деля на врагов и союзников, смела всё дочиста. Хотя новые слуги и появились, евнухи остались нетронуты, но по сравнению с прежним временем, когда щупальца простирались по всему двору, теперь эти несколько кошек уже не в счёт.

Партия Великого наставника Чана отреагировала особенно остро, в течение нескольких дней на аудиенциях советники-цензоры бились головами о колонны, готовые умереть за свои убеждения. Они почти что изображали Сяо Цяня новым воплощением Дацзи*, возрождением Чжао Фэйянь**, который, кроме вреда стране и угнетения народа, ничего не делал.

* Дацзи — легендарная наложница, обвиняемая в падении династии Шан.

** Чжао Фэйянь — наложница императора Чэн-ди из династии Хань, известная своей красотой и интригами.

Ян Цзинь же и его сторонники пребывали в спокойствии, более того, военные даже прониклись уважением к этому смелому и решительному мужчине-императрице. Мужчина должен иметь долю отваги. Изредка кто-то высовывался, присоединяясь к травле императрицы, но не успевал быть затравленным до смерти «словесными псами» Чана, как Фан Минцзюэ загонял его в угол.

— Вы все считаете меня дураком... — Маленький император, игравший свою роль с полной самоотдачей, ничуть не уступая переродившемуся актёру генералу Сяо, скрежетал зубами, с выражением глубокого унижения на лице, судорожно сжимая ручки трона. — Императрица... почему она так поступила, генерал Ян действительно не знает?

Гражданские и военные чиновники озарились внезапным пониманием.

«Словесные псы» немедленно развернулись, и первой мишенью для травли вместо императрицы стал Ян Цзинь, прямо-таки изображая его мятежником, готовым в следующий миг узурпировать трон.

А подчинённые Ян Цзиня, мысленно восхвалив своего мудрого и доблестного генерала, принялись контратаковать.

Каждый день дворцовые аудиенции начинались с перебранки и заканчивались обедом.

А что же сам Ян Цзинь?

* Хайтера — китайское название декоративного растения, часто упоминаемого в поэзии, возможно, речь о цветущем кустарнике (например, о чайной розе, яблоневого дереве и т.д.). В контексте переведено как «хайтера» с пояснением.

* Дацзи — легендарная наложница последнего императора династии Шан, Чжоу Синя,

известная своей красотой и жестокостью, часто обвиняемая в падении династии.

* Чжао Фэйянь — наложница императора Чэн-ди из династии Хань, славившаяся необычайной лёгкостью и умением танцевать, также известная интригами при дворе.

<http://bllate.org/book/16207/1454638>